

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES
OF RUSSIAN FEDERATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558

**«Ах, что за славная земля...»: о пародии В. Бахнова
на фоне памфлета А. Первенцева**

Станислав Витальевич СВИРИДОВ

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

236016, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

✉ textman@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования стала пародийная песня Владлена Бахнова «Ах, что за славная земля...», написанная как отклик на памфлет Аркадия Первенцева «Куриный бог». Цель исследования – выявить авторскую стратегию формирования пародийного текста как комического образа текста-объекта. В качестве материала исследования взяты первые печатные публикации рассматриваемых текстов. Комплексная методология работы основывается на сравнительно-историческом методе с привлечением структурного, историко-культурного методов. При обсуждении вопроса отдельно рассматривается каждое из исследуемых произведений. «Куриный бог» и его создатель. Анализ памфлета А. Первенцева позволяет выявить культурные предпосылки выступления писателя и охарактеризовать жанрово-поэтическую специфику памфлета «Куриный бог» как объекта пародийного воспроизведения. Пародия В. Бахнова как «комический образ произведения» характеризуется с учетом того, что пародийный жанр предполагает селекцию поэтического материала: одни конструктивные элементы текста-объекта воспроизводятся, другие игнорируются; третьи составляют «собственный» поэтический ряд пародирующего произведения. Установлено, что цитатный план песни В. Бахнова составляют тезисы, суждения и публицистические клише А. Первенцева, «пропущенным» материалом становится символика памфлета. «Добавленный» же материал организован нетипичным для жанра пародии способом – он отражает поэтическую форму воровской песни «Эх как вспомнишь старину...». В связи с этим жанр произведения В. Бахнова определяется как пародийный перепев. Результаты исследования могут найти применение при подготовке вузовских курсов по истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: авторская песня, В. Бахнов, А. Первенцев, пародия, памфлет, перепев

Для цитирования: Свиридов С.В. «Ах, что за славная земля...»: о пародии В. Бахнова на фоне памфлета А. Первенцева // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 549-558. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“Ah, what a glorious land...”: about the parody of V. Bakhnov against the backdrop of the pamphlet by A. Perventsev

Stanislav V. SVIRIDOV

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russian Federation
✉ textman@yandex.ru

Abstract. The object of research is Vladlen Bakhnov's parody song «Ah, chto za slavnaya ziemia» (“Ah, what a glorious land...”), written as a response to Arkady Perventsev's pamphlet «Kuriny bog» (“Chicken God”). The purpose of the study is to identify the author's strategy of the parody text formation as a comic image of an object. The first printed publications of the texts under consideration are taken as the research material. The complex methodology of the work is based on a comparative method involving structural and historical-cultural methods. When discussing the issue, each of the studied works is considered separately. The analysis of the pamphlet by A. Perventsev makes it possible to identify the cultural prerequisites of the writer's speech and to characterize the genre-poetic specifics of the pamphlet. V. Bakhnov's parody as a “comic image of a work” is characterized taking into account the fact that the parody genre supposes the selection of poetic material: some constructive elements of the text-object are reproduced, others are ignored; others make up the “own” poetic series of the parodying work. It is established that the quotation plan of V. Bakhnov's song consists of theses, judgments and journalistic clichés of A. Perventsev, the symbolism of the pamphlet becomes the “missed” material. The “added” material is organized in a way atypical for the genre of parody – it reflects the poetic form of the thieves' song «Eh, kak vspomnish starinu» (“Eh, if you will remember the old days...”). In this regard, the genre of V. Bakhnov's work is defined as a parody rehash. The results of the research can be used in the preparation of courses on the history of Russian literature of the second half of the 20th century, special courses and seminars in higher educational institutions.

Keywords: author's song, V. Bakhnov, A. Perventsev, parody, pamphlet, rehash

For citation: Sviridov S.V. «Akh, chto za slavnaya zemlya...»: o parodii V. Bakhnova na fone pamfleta A. Perventseva [“Ah, what a glorious land...”: about the parody of V. Bakhnov against the backdrop of the pamphlet by A. Perventsev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 549-558. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В концертном репертуаре Юлия Кима есть песня «В Коктебеле»¹, которую певец в частной обстановке дополнял песней, начинающей словами «Ах, что за славная земля...», складывая из двух номеров своеобразный микроцикл. Вторую часть этого «диптиха» написал Владлен Бахнов, совет-

ский сатирик и киносценарист. С кимовским текстом её объединяет тема и повод – курьёзный эпизод литературной жизни, имевший место в Коктебеле в августе 1963 года, а исполнять её в больших залах Ю. Киму мешает нецензурный характер некоторых пассажей этого остроумного и озорного текста.

Предмет нашего исследования составляют пародийный текст Бахнова и его «претекст» – памфлет Аркадия Первенцева «Куриный бог».

Статья А. Первенцева вышла в центральной газете «Советская культура» 24 ав-

¹ Ким Ю.Ч. В Коктебеле... На день рождения А. Галича. К отъезду А. Галича из России // Вопросы литературы. 1996. Вып. 5. С. 368-369.

густа 1963 г.² и содержала морально-идеологическую критику молодых «неформалов», отдыхающих «дикарями» в коктебельской бухте. Публикация была выдержана в духе типичных для печати того времени нападок на «стиляг» и «тунеядцев». Юлий Ким и Владлен Бахнов каждый в своём духе и жанре оформили всеобщее возмущение поступком писателя, имевшего репутацию официального романиста и охранителя: у Ю. Кима получился иронический ответ публицисту (альтернативная панорама коктебельского быта), у В. Бахнова – пародия.

Вольное и лёгкое слово пародиста победило морализаторскую тяжесть памфлета – хотя бы в том, что песня безгранично тиражируется магнитофонами и резонансной средой «интеллигентского фольклора», а газета «живёт один день». Заметим, однако, что памфлет, столь чувствительно задевший читателей, не писался для вечности, а был в своём роде газетной «однодневкой». Пародия Бахнова, благодаря силе художественного обобщения, оказалась более долговечной и парадоксальным образом продлила жизнь памфлета. Хотя лучше сказать, продлила его дурную славу, так как, упоминая повод создания «коктебельских» песен, ни Ю. Ким, ни мемуаристы-очевидцы, ни позднейшие публикаторы «интеллигентского фольклора» не уделяют внимания тексту Первенцева, этой битой карте «конъюнктурного» словотворчества. Но если подходить к пародии Бахнова как к литературному факту, отворачиваться от «Куриного бога» нельзя – хотя бы потому, что пародия не существует отдельно от своего «образа».

Цель настоящей статьи – восполнить отмеченный пробел, и, во-первых, охарактеризовать пародию В. Бахнова и её объект как цельное явление неофициальной литературной жизни, во-вторых, отправляясь от данной характеристики, выявить жанрово-поэтическую стратегию Бахнова-пародиста.

«КУРИНЫЙ БОГ» И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Аркадий Первенцев – писатель-соцреалист «третьего поколения», один из тех, кто

² Первенцев А. Куриный бог: памфлет // Советская культура. 1963. 24 авг. Далее цитирование этого текста не оговаривается.

«подмастерьем» входил в советскую литературную систему в конце 1930-х, а в первые послевоенные годы становился сталинскими лауреатами [1, с. 473-474]. Дважды Сталинскую премию получил и Первенцев – за роман «Честь смолоду» и сценарий кинофильма «Третий удар»). Литератор с типично «совписательской» карьерой, проводник партийной линии в литературе... – в хрущевские годы деятели такого рода, с их идейной бдительностью и вкусом к воспитательным «проработкам», сами по себе раздражали литераторов «оттепельной» генерации, а особенно тогда, когда пытались демонизировать молодёжь – не важно какую: литературную или курортную.

В августе 1963 г. А. Первенцев отдыхал в Коктебеле в Доме творчества Литфонда (бывшая усадьба М. Волошина). Хотя этот приют литераторов «по своим весьма скромным бытовым условиям в сравнение не мог идти с гораздо более фешенебельными литфондовскими Домами в Пицунде или в Дубултах», он был «привилегированным и даже элитарным заведением» [2, с. 359]. В частности, у Дома творчества был свой закрытый раздельный пляж. Те же курортники, кто не заслужил привилегий, вынуждены были тесниться на неорганизованном берегу, в августовской толчее, буквально «человек на человеке»³.

«Дикарями» во время пляжного сезона в Коктебель приезжали сотни и тысячи граждан. В основном молодёжь, они селились в стихийных кемпингах и образовали нечто вроде самоорганизованного сообщества. Рассказывает Илья Симовский (респондент сайта «Боян. Поэтическая речь русских»): «В пансионаты можно было попасть только по блату, и вот сделали такой палаточный городок. Там, конечно, полная антисанитария, какие-то простыни давали за рубль в день, жили там в основном ребята, называлось это почему-то «Страна дураков»⁴. Вспоминает эту «страну» и Василий Аксёнов, бывший в 1960-е гг. центром коктебельской «тусовки» молодых писателей [3, с. 77-78]: «...Возни-

³ Ким Ю. Ч. Указ. соч. С. 368.

⁴ Боян. Поэтическая речь русских: Народные песни и современный фольклор / сост. А. Бройдо, Я. Кутьина, Я. Бройдо. URL: <http://www.daabooks.net> (дата обращения: 23.07.2019).

кало странное ощущение вольницы, как будто бы не вполне советская власть. Толпы молодёжи водились, собирались по вечерам с гитарами, пели, костры жгли – брожение такое наблюдалось. Кара-Даг был совершенно открытый. Там в бухточках, вплоть до Разбойничьей, жили какие-то коммуны людей. Жили на крошечных пляжах и гнездились даже в скалах. В шестидесятые годы там была создана Республика Кара-Даг. <...> Все знали, что... там проходят выборы президента, парламента... мисс Кара-Даг выбирали – в общем, резвились ребята»⁵.

Наверное, немолодого писателя на отдыхе по-человечески раздражали шумные компании молодёжи, их непонятный «дикарский» облик и вольное поведение. Но вести о «Республике Кара-Даг» с её шуточными «институтами демократии» должны были уже серьёзно насторожить литератора, вооружённого партийной бдительностью. Произведения Первенцева, снискавшие ему достоинство лауреата, были посвящены Крыму, истории партизанской войны и освобождения полуострова от нацистов. Крым для А. Первенцева – священная земля воинской и трудовой славы, к сакрализации которой он сам приложил руку. В таких местах и следует ожидать вражеских «вылазок». Вероятно, подобная фразеология была уже невозможна в «Советской культуре» 1963 г., но видение мира в категориях вражеской осады для деятелей старой закалки оставалось естественным.

Памфлет «Куриный бог» стал отображением гражданской бдительности писателя-лауреата. Убеждённый в социальной опасности «неформальной» молодёжи, он не пожалел для нее испытанных чёрных красок. С пафосом благородного возмущения Первенцев изобразил своих «героев» нечистоплотными физически и морально, ленивыми, самовлюблёнными, сознательными растлителями «рабочего класса», рабами западной культуры, а в итоге – политически неблагонадёжными, и призвал бороться с такой молодёжью, как с общественной язвой.

Текст Первенцева делится на три смысловые части. Первая может показаться пейзажной экспозицией, но на самом деле обла-

дает важной идейной и поэтической функцией – рисует то состояние мира, которое нарушают деградированные «герои» очерка. А это состояние – возвышенное, прекрасное – для писателя-соцреалиста есть «завоевание», результат подвигов, совершенных советским человеком. Поэтому оно выступает не только, так сказать, утилитарной, но и сакральной ценностью. Крымский «пейзаж» рисуется как отпечаток героической истории и доблестной современности⁶; в сущности, как символический текст, составленный из знаков государственной коммеморации (воинские памятники), честного социалистического труда (возделанные поля, цветные платочки колхозниц в виноградниках) и тех высоких моральных качеств, которые находила в своём герое литература соцреализма. Так, красноречивым символом является горный орёл, парящий над гребнями гор. А его знаковой антитезой станет курица, вернее «куриный бог» – камень с естественным отверстием, по поверью приносящий удачу. Характерно, что в экспозиции Крым изображается как место труда и борьбы, а не отдыха, поскольку именно при таком осмыслении он получает подлинное бытие в соцреалистическом космосе и возникает тот конфликт, к которому Первенцев перейдёт во второй части памфлета.

Эта часть посвящена пристальному наблюдению и описанию тех, кто угрожает гармонии советского Крыма. Отталкиваясь от разговорной номинации «дикари» и удачно найденной детали – камня-амулета, Первенцев изображает молодых отдыхающих-«неформалов» людьми примитивной культуры, не знающими морали, отталкивающими, опасными. Писатель прибегает, вероятно, к самой прочной и имагологической традиции – изображения «чужого» мира как не-человеческого, незаконного. Киевский летописец XI века писал о язычниках: «живяху звериньским образом, живущее скотськи... едяху вся нечисто, и брака у них не бываше... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни» (цит. по: [4, с. 175]) – все эти качества Первенцев почти буквально приписывает своим антигероям. «Группки выделяющихся из всего человечества моло-

⁵ Аксёнов В.П. Прошу климатического убежища // Дарьял. 2017. № 4. URL: http://www.darial-online.ru/2017_4/aksenov.shtml (дата обращения: 23.07.2019).

⁶ Мы не приводим здесь примеры из текста, которые будут помещены ниже, в таблице 1.

дых людей»⁷; «нечто... странное и нелепое – кляксы на яркой ткани природы и быта»: «они нелепы, страшны и циничны», они заросли шерстью. Они презирают всё, что ценим мы. Они носят каменные ожерелья. Они сознательно совращают праведных отдыхающих («...появились для того, чтобы наплевать на благоприличия»). У них волосатые тела и лица, у них «вихляющаяся» походка, сутулые фигуры и болтающиеся руки (внешность, напоминающая, – заметим, – даже не дикаря, а скорее условного неандертальца из старых учебников). Они едят «как животные»: не пищу, а добычу – грязные куски немытыми руками, в кустах, чавкая и раздувая ноздри. В их компаниях женщины – полностью «обобществленные». Они слушают ужасную музыку: «На четверых – портативный радиоприёмник... Антенна сопровождает четвёрку дромадеров, выхватывая из многострадального эфира только лишь дикие завывания, скачущую музыку, рок-н-рольные ритмы и «иностраный музыкальный бомонд». Они всегда кому-то подражают; и в связи с этим звучит-таки слово «обезьяны».

В конце второй главки Первенцев подходит к теме зарубежного подрывного влияния на молодёжь. Третью, заключительную часть он уже полностью посвящает живописанию общественной опасности «неформалов» и ведёт дело к политическому резюме (памфлет по природе своей – жанр политической публицистики – см. подробнее: [5–10]). «Не думайте, что все это так безобидно» – морально разложившаяся молодёжь попадает на приманки врагов. Поэтому общество не должно попустительствовать созреванию «подонков» и «ядовитых поганок», нужно «убеждать, требовать, стыдить» – в общем, принимать меры.

Композиция памфлета «Куриный бог» воспроизводит шаблонную логику партийной «проработки» провинившегося сотрудника: описание грандиозных задач общего дела и успехов коллектива – перечень грехов провинившегося – политическое резюме – оргвыводы.

Мы уже говорили о своеобразной поэтике «Куриного бога», которая сочетает в себе противоположные, в сущности, начала –

символическую риторику и карикатурную утрировку. Оба они укоренены в жанровом коде памфлета, который по своей природе актуализирует компоненты мифа и сам формирует негативирующий миф [10, с. 53], поэтому тяготеет к бинарным построениям и абсолютным смыслам. Мифопоэтическая артикуляция темы задаётся уже названием статьи: «куриные боги» – постоянный саркастический эпитет молодых курортников, и это же – магический амулет. Автор регулярно связывает образ неформалов с землей, с её недоброй, потенциально хтонической магией: камень – репрезентант земли, курица – «земная», нелетающая птица; неформалы лежат *на земле* под кустами, там же и едят, как животные (бестиарная образность вообще типична для дискурсов с идеологическим содержанием [11]). В вертикально ориентированном ценностном пространстве курице противопоставлен орёл, с его традиционным символизмом: «Горные орлы парят над воздушными потоками, бережно поднимая на могучие крылья своих уставших, неокрепших птенцов»; «Мы должны приучить молодёжь брать пример с горных орлов, парящих на крутых вершинах воздушных потоков. Долой психологию «куриного бога»!» Другие элементы текста соотносятся с «куриным» либо «орлиным» полюсом, формируя отчётливую мифологическую оппозицию.

Мы	–	Они
Верх	–	Низ
Орёл	–	Курица
Небо	–	Земля
Героика,	–	Пассивность,
убеждённость	–	суеверие
Дух	–	Плоть, пища
Сила, здоровье	–	Немощь,
		нездоровье
Красота	–	Неприглядность

ПАРОДИЯ В. БАХНОВА КАК «КОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

Владлен Бахнов любил говорить, что он пересказал статью А. Первенцева, ничего к ней не добавив, кроме одного-единственного

⁷ Здесь и далее курсив принадлежит автору статьи. – С. С.

слова⁸. Это, конечно, шутка: под «единственным словом» пародист подразумевает озорную энклитику, рифмующуюся со словоформой «рубля». Но в шуточной форме сатирик указал на одно из базовых свойств пародии – иконическую основу её поэтики. Пародия создаёт «комический образ произведения» [12, с. 6] путём дублирования его текста, цитирования в широком смысле: её средство – «обнажающая реализация, тематизация, механизация приёмов или систем, доминантность которых оспаривается в пародируемом произведении» [13, с. 374]. Но каким бы объёмным ни было пародийное «копирование» объекта, этот объект в пародии деконструируется, его элементы изымаются из органических связей претекста, и – формально тождественные себе – в новом тексте приобретают новую, пародийную функцию. В этом смысле в пространстве пародии само «повторение равноценно изменению» [12, с. 57].

Из сказанного следует, что стратегия пародирования характеризуется тем или иным принципом селекции элементов претекста: одни элементы воспроизводятся в тексте пародии, другие игнорируются, третьи «добавляются» к нему. Действительно ли В. Бахнов ничем не дополнил сочинение Первенцева? Конечно, нет. Кроме упомянутой энклитики, имеются как минимум ещё два принципиально важных включения – это отсылка к воровской песне «Эх, как вспомнишь старину, / Как под Ростовом-на-Дону...»⁹ (откуда взята стиховая форма текста и грубая частица) и финальный куплет, содержащий смеховое отстранение и саморазоблачение «героя» бахновской насмешки:

Пусть говорят, что я свою
Для денег написал статью,
Не верьте, б..., не верьте, б..., не верьте!
Нет, я писал не для рубля,
А потому, что был я б...,
И есть я – б..., и буду – б... До смерти!¹⁰

⁸ См.: Сидоров А. Песнь о моей Мурке. М.: ПРОЗАИК, 2010. С. 229.

⁹ Джейкобсон М., Джейкобсон Л. Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник. 1917–1991. М.: РГГУ, 2014. С. 260.

¹⁰ Бахнов В. «В первые минуты...»; «Ах, что за славная земля...»; «Проблемы отцов и детей нет в стране...» / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1995. Вып. 5. С. 366. Здесь и далее текст песни В. Бах-

И всё же у Бахнова были все основания гордиться «точным» копированием претекста. Композиция и логика «Куриного бога» сохранены в песне Бахнова: пересказ первой части памфлета уложился в три начальных стиха, вторая часть отразилась в следующих двух с половиной строфах, а третья – в 4-й строфе. В стихи своей песни Бахнов вложил, кажется, все одиозные тезисы Первенцева. Сопоставление текстов это подтверждает (табл. 1).

Осталось отметить то, что Бахнов игнорирует в поэтике текста-объекта. Прежде всего, это символический язык. Практически никакие элементы «орлиного»/«куриного» образного ряда не попали в текст Бахнова. «Героический» образ Крыма отображён одной строкой, упрощённость и небрежность которой характеризует пафос Первенцева как лицемерный. Риторика символа предполагает наличие того смыслового плана, к которому символ апеллирует, пародист же не верит в наличие у А. Первенцева каких-либо ценностей идеального порядка. Замещением исходной мифосемантики могли бы послужить смыслы, присущие Коктебелю как элементу «крымского текста» русской литературы [3; 14], но они не обозначены эксплицитно и выступают не более чем ассоциативным оборотом бахновской песни.

Ещё более значительным предметом «выбраковки» оказывается форма исходного текста. Для советской сатирической пародии 1960-х гг. в её привычном и общепонятном варианте характерна стратегия комической стилизации [15, с. 37], шаржа: утрировка, гиперболизация и гротеск разворачиваются на основе узнаваемо «скопированной» поэтической формы текста-объекта. Стихотворение воспроизводится стихами идентичного размера, проза – прозой. Это положение воспринималась как жанровая норма «по умолчанию», так были построены, к примеру, и «официальные» пародии «Клуба 12 стульев», и неофициальный отклик З. Паперного на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» Бахнов же изображает прозу стихами (более того, песней), воспроизводя при этом форму совершенно иного текста, не являющегося предметом пародии, но прецедентного для

нова цит. по этой публикации с использованием цензурных отточий.

Сопоставление текстов В. Бахнова и А. Первенцева

Comparison of texts of V. Bakhnov and A. Perventsev

Таблица 1

Table 1

В. Бахнов. «Ах, что за славная земля...»	А. Первенцев. Куриный бог
Ах, что за славная земля Вокруг залива Коктебля: Колхозы, б..., совхозы, б..., природа!	«Черноморское побережье прекрасно везде, но особенно оно романтично и красиво в дикой своей прелести у Коктебеля. <...> Цветастыми точками среди тяжёлых, будто литых лоз и гроздей, платочки работниц плантаций передового совхоза...»
Но портят эту красоту Сюда приехавшие ту- неядцы, б..., моральные уроды!	«И есть тут же нечто другое, странное и нелепое – кляксы на яркой ткани природы и быта. Вместе с тысячами отдыхающих на побережье прибывают группы выделяющихся из всего человечества молодых людей...»; «хилые, вихляющиеся руки как бы нарочито подчёркивают пренебрежение к труду». «Морально растленные молодые люди, заранее износившие себя, свой дух, физические и нравственные силы, алкоголики, прощелыги...»
Спят тунеядцы под кустом,	«Их сотоварищ ташил добытую пищу, что-то прямо в грязных лапшах... Они бросились за ним, ворча, как животные, и жадно зачавкали в кустах». «Куриные боги» вышли из кустов, на губах уже прилипли сигаретки, курила и девушка»
Не занимаются трудом И спортом, б..., и спортом, б..., и спортом.	«Золотые тела молодых людей усыпали пляжи. <...> Я видел спортсменов столичного института, соревновавшихся на берегу в прыжках, гимнастических упражнениях. Красивые тела, здоровые, сильные молодые люди с ясными глазами... На них презрительно смотрела четвёрка «куриных богов», развалившихся на скамейках»
Не видно даже брюк на них, Одна чувиха на троих И шорты, б..., и шорты, б..., и шорты. Девчонки вид ужасно гол, Куда смотрели комсомол И школа, б..., и школа, б..., и школа? Хотя купальник есть на ней, Но под купальником, ей-ей Всё голо, б..., все голо, б..., все голо!	«Шараги» сплываются обычно четвёрками. Высший шик – три парня и одна полностью коллективизированная спутница. Бороды – обязательно! Хотя бы две на троих». «Шарага» прибывает уже полунагая; «одетые во все голое», они где-то ухитряются хранить безупречные документы». «Они ходят в «шортах» – так они называют обычные дешёвые китайские штаны, самолично укороченные до размеров трусиков». «Ходишь и плюёшься – стыдно за их отцов и матерей!..» (реплика местного жителя) «Им попустительствовали – либо поощряли, либо смотрели сквозь пальцы»
Сегодня парень виски пьёт, А завтра планы выдаёт Завода, б..., родного, б..., завода! ¹¹	«Шарага»... открывает поход, придерживаясь в основном обжитых мест, ...где сбивают молочные и коньячные коктейли». «Надо заметить, они всегда кому-то подражают. <...> Антенна сопровождает четвёрку дромадеров, выхватывая из многострадального эфира... рок-н-рольные ритмы и «иностранный музыкальный бомонд»
Сегодня ходит в бороде, А завтра – где? В НКВДе! ¹² – Свобода, б..., свобода, б..., свобода! ¹³	«Бороды – обязательно! Хотя бы две на троих. Причём бороды они отращивают и пробивают посмешней, чтобы выделяться среди обычных бородачей – «кубинцев». «Не думайте, что всё это так безобидно...»; «куриный бог» превращается в подонка... Он всё видит мутно, воспринимает вяло, его нетрудно сломать, увести в подворотню, бросить врагам...»

¹¹ Бахнов обыгрывает крылатое выражение «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Возможна также отсылка к песне «Марсель» (автор А. Левинтон), широко распространённой в «интеллигентском фольклоре» 1960-х: «Он предложил мне франки / И жемчуга стакан, / Чтоб я ему передал / Советского завода план» (Левинтон А. Стою себе на месте... / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1996. № 5. С. 367). Хотя, вероятно, «план завода» – характерный тоpos множества советских «шпионских» сюжетов и пародий на них.

¹² Используя устаревшее наименование ведомства, Бахнов намекает на сталинистские взгляды Первенцева и, возможно, напоминает о присуждённой ему Сталинской премии.

¹³ Стих совпадает со строкой из песни «Эх, как вспомнишь старину...».

предполагаемой аудитории. Иными словами, средством пародирования становится перепев. Как комическое воспроизведение в «непародийной функции» [16, с. 290], перепев¹⁴ был типичен для неформальной поэзии 1960-х гг. – в пример можно привести опубликованные когда-то рядом с «коктебельскими песнями» тексты «А молодого тунеядца...»¹⁵ (Е. Агранович) или «На отъезд Галича из России»¹⁶ (Ю. Ким). Но пародийной функцией такой перепев, как правило, не обладал. Таким образом, коктебельская песня Бахнова демонстрирует необычный жанровый синтез. Его подробное рассмотрение требует отдельного исследования.

Особого комментария в тексте В. Бахнова заслуживает слово «тунеядец». Оно также относится к «новациям» пародиста, так как Первенцев в своём памфлете его не использовал. Возможно, потому, что оно имело конкретный юридический смысл. В 1961 г. вышел указ Президиума Верховного совета о борьбе с лицами, ведущими паразитический образ жизни, после чего длительно неработающие граждане стали преследоваться по статье 209 УК РСФСР. Первенцев же подчёркивает (и сожалеет), что курортную молодёжь не за что наказать по закону: «У них в документах полный порядок, прописка. Иначе им долго не пробродяжничать в чуткой погранзоне Черноморья, где дело чести каждого – не пропустить ни одного чужака». Писатель, расценивая своё выступление как конкретный «сигнал» властям, методично разграничивает социальные явления. Но в изображении антигероев им использован тот знакомый карикатурный стиль, в каком высмеивали тунеядцев на страницах «Крокодила»: приматоподобное лицо, неопрятность, нелепая одежда иностранных фасонов и марок, «развинченная» походка, пьянство, хамство, потребительство, паразитизм. Часто рядом с тунеядцем для контраста рисовался «правильный» советский юноша, пышущий физическим и нравственным здоровьем, есть этот оттеняющий приём и у Первенцева (см.

в табл. 1: «Я видел спортсменов столичного института...») Так что Бахнов верно «опознаёт» антигероя воспитательных дискурсов 1960-х гг.: именно газетный образ «тунеядца» послужил модификатором курортных впечатлений памфлетиста.

Таким образом, апелляция к прецедентному тексту «блатной» песни (а значит, и к представляемому ею субкультурному контексту) позволяет пародии, отбросив часть своего поэтического инструментария, существенно расширить смысловое пространство жанра и достичь типической обобщённости, характерной скорее для литературной сатиры, чем для пародии «на случай». Актуальность последней, вроде бы, ограничена узкими обстоятельствами пространства и времени, в своей дискурсивной сущности это мгновенный полемический отклик. И Бахнов ничем не нарушает это жанровое правило. Но и предмет пародии, и голос автора, и конфликт он осмысливает в их репрезентативной закономерности не менее чем в ситуативной случайности. Соответственно, памфлет А. Первенцева предстаёт здесь не только как неудачное, халтурное произведение писательского пера (смысл, присущий пародии), но и как образчик советской охранительной публицистики 1960-х гг. – и по структуре, образно-поэтическому «словарю», жанровой природе, и по стереотипной, заданной интенции. Голос же Бахнова прозвучал как голос молодой неофициальной литературы, смехом реагирующей на менторство и попытки идеологической муштры.

ВЫВОДЫ

Пародийная песня В. Бахнова «Ах, что за славная земля...» демонстрирует нетрадиционное для пародии как жанра соотношение с текстом-объектом. «Комический образ» публикации А. Первенцева Бахнов создаёт в жанровой форме пародийного перепева, фокусируя внимание не на поэтических чертах текста-объекта, как конвенциональная журнальная либо эстрадная пародия, а на его содержании. Сам же «иконический» образ текста-объекта заменяется образом другого текста, к данному литературному поводу не относящегося. Результатом становится двойственное звучание пародии – как весёлого от-

¹⁴ Подробнее о жанре см.: [17, с. 31; 12, с. 257-332].

¹⁵ Агранович Е. Одесса-мама. А молодого тунеядца... Пылала роща над рекою... Явились охранители основ... / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 364.

¹⁶ Ким Ю. Ч. Указ. публикация. С. 370-371.

клика на некие минувшие и давно забытые события, и как сатирического текста, десятилетиями не теряющего своё значение.

Результаты проведённого исследования могут найти применение при подготовке ву-

зовских курсов по истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров по авторской песне, поэтике комического.

Список источников

1. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 557 с.
2. Сарнов Б. Интеллигентский фольклор // Вопросы литературы. 1995. Вып. 5. С. 358-363.
3. Мащенко А.П. Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 70-92.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
5. Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивные характеристики памфлета (переводческий аспект) // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 25-34.
6. Гуральник У. Памфлет // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 257-258.
7. Калаишников В.А. Памфлет // Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. М., 1962–1978. Т. 5. 1968. Стб. 559-562.
8. Макаров В.Л., Гребенников В.Г., Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В. Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2019. № 4. С. 55-68.
9. Неминуций А.Н. Походная песня vs музыкальный памфлет (из инструментов пропаганды в советско-финской войне) // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 129-134. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).123-128](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128)
10. Сковородников А.П., Копнина Г.А., Анисимова Е.Е. Памфлет и панегирик – жанры-антиподы в информационном пространстве массмедиа // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 48-54. <https://doi.org/10.26170/pl18-05-06>
11. Федунин О.В. Бестиарная антитеза в советской криминальной литературе // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 200-209. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00008>
12. Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
13. Ханзен-Лёве О. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. 672 с.
14. Грибанова И.В., Калинин И.А. Прецедентный топонимикон Крыма (на примере социолингвистического исследования) // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3. № 3-4. С. 50-58.
15. Иванюк Б.П. Подражание стихотворное: словарный формат // Philologos. 2021. № 1 (48). С. 33-41.
16. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284-310.
17. Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» // Поэты «Искры»: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1987. Т. 1. С. 5-42.

References

1. Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nyye i esteticheskiye istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The Making of a Soviet Writer: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature]. St. Petersburg, "Akademicheskii projekt" Humanitarian agency Publ., 1999, 557 p. (In Russian).
2. Sarnov B. *Intelligentskiy fol'klor* [Folklore of intelligentsia]. *Voprosy literatury – Studies in Literature*, 1995, vol. 5, pp. 358-363. (In Russian).
3. Mashhenko A.P. *Krymskoye izmereniye russkoy literatury: ot Pushkina do Prilepina* [The Crimean dimension of Russian literature: from Pushkin to Prilepin]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 1, pp. 70-92. (In Russian).
4. Lotman Y.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 464 p. (In Russian).

5. Bogomolova A.V., Gorshkova V.E. Diskursivnyye kharakteristiki pamfleta (perevodcheskiy aspekt) [Discursive characteristics of pamphlet (translational aspect)]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya – Language. Culture. Communication*, 2019, vol. 22, pp. 25-34. (In Russian).
6. Guralnik U. Pamflet [Pamphlet]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, pp. 257-258. (In Russian).
7. Kalashnikov V. Pamflet [Pamphlet]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 8 t.* [Concise literary encyclopedia: in 8 vols.]. Moscow, 1962–1978, vol. 5, col. 559-562. (In Russian).
8. Makarov V.L., Grebennikov V.G., Dementiev V.E., Ustyuzhanina E.V. Ideologiya i nauka (po materialam obsuzhdeniya v TSEMI RAN) [Ideology and science (based on the discussion in CEMI RAS)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal – Russian Economic Journal*, 2019, vol. 4, pp. 55-68. (In Russian).
9. Neminushchy A.N. Pokhodnaya pesnya vs muzykal'nyy pamflet (iz instrumentov propagandy v sovetsko-finskoy voyne) [March song vs musical pamphlet (propaganda tools in the Soviet-Finnish war)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Memoirs of NovSU*, 2021, no. 1 (34), pp. 129-134. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).123-128](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128). (In Russian).
10. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A., Anisimova E.E. Pamflet i panegirik – zhanry-antipody v informatsionnom prostranstve massmedia [Lampoon and panegyric – genre antipodes in the mass media]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2018, no. 5 (71), pp. 48-54. <https://doi.org/10.26170/pl18-05-06>. (In Russian).
11. Fedunina O.V. Bestiarnaya antiteza v sovetsko-kriminal'noy literature [Bestiary antithesis in the soviet criminal literature]. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*, 2018, no. 1 (44), pp. 200-209. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00008>. (In Russian).
12. Novikov V.I. *Kniga o parodii* [A book about parody]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989, 544 p. (In Russian).
13. Khanzen-Leve O. *Russkiy formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism. Methodological reconstruction of its development from the principle of alienation]. Moscow, Jazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 672 p. (In Russian).
14. Gribova I.V., Kalinichenko I.A. Pretsedentnyy toponimikon Kryma (na primere sotsiolingvisticheskogo issledovaniya) [The precedent toponymicon of Crimea (based on a sociolinguistic research)]. *Kul'turnyy landschaft regionov – Cultural landscape of regions*, 2021, vol. 3, vol. 3-4, pp. 50-58. (In Russian).
15. Ivanyuk B. Podrazhaniye stikhotvornoye: slovarnyy format [Imitation of poetry: dictionary format]. *Filologos*, 2021, no. 1 (48), pp. 33-41. (In Russian).
16. Tynyanov Y.N. O parodii [On the Parody]. In: Tynyanov Y.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinematography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 284-310. (In Russian).
17. Yampolskiy I.G. Poety «Iskry» [Poets of “Iskra”]. *Poyety «Iskry»: v 2 t.* [Poets of “Iskra”: in 2 vols.]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987, vol. 1, pp. 5-42. (In Russian).

Информация об авторе

Свиридов Станислав Витальевич, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6792-0766, textman@yandex.ru

Вклад автора: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 04.05.2022
Одобрена после рецензирования 04.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Stanislav V. Sviridov, Candidate of Philology, Associate Professor of Institute of Humanitarian Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6792-0766, textman@yandex.ru

Contribution: main study conception, work with literature references, analysis of the literary text, manuscript text drafting.

The article was submitted 04.05.2022
Approved after reviewing 04.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022